

Рассказ участвовал в конкурсе и размещён на сайте библиотеки Алвара Аалто, город Выборг. <http://www.aalto.vbgcity.ru/content/kupriyanova-mariya-13-let-rasskaz-prervanny-kinoseans>

Куприянова

Мария Владимировна

13 лет

Рассказ о первой любви подростков 80-х годов прошлого века. Восьмого марта 1988 года в гарнизоне Вещево, где тогда служили мои дедушка и бабушка, ещё совсем молодые, посадили угнанный семьёй музыкантов Овечкиных самолёт. С этого момента отсчитывается история воздушного терроризма в России. Но подростки больше заняты, конечно, своими чувствами. Васька, герой рассказа, похож на моего дядю, но история его романтической влюблённости и похода в кино в тот день – вымысел. Судьба взрослого Василия типична для поколения моих родителей. Фильм, прерванный тогда в Вещевском клубе на середине, – чистая правда.

2016

Прерванный киносеанс

Рассказ, почти быль

Году кино в России посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ

История эта придумана мной только наполовину. Правда в ней – события восьмого марта 1988 года в гарнизоне Вещево, где тогда жили мои дедушка и бабушка, ещё совсем молодые, и их дети – моя мама и её младший брат, ещё школьники. История с угоном пассажирского самолёта семьёй Овечкиных и посадкой его на нашем аэродроме теперь есть во многих интернет-источниках, она хорошо известна, даже фильм об

этом есть, с Нонной Мордюковой в главной роли. Но местные жители помнят происходившее немного по-другому. Особенно те, кто тогда был просто школьником... Васька, герой рассказа, немного напоминает моего дядю, но история его похода в кино в тот злополучный (или счастливый?) день – вымысел. Судьба взрослого Василия тоже выдумана. А вот фильм, прерванный тогда на середине, – правда.

8 марта, Международный женский день. Понятное дело, что жители авиационного гарнизона, маленького лесного посёлка, не собираются сидеть по домам в такой вечер. Да и в местном офицерском клубе (его называют ГДО или просто Клуб) как раз премьера фильма «Человек с бульвара Капуцинов». Почему же не пойти?

Представьте себе: вечер, фонари, снег, расчищенные дорожки, кое-где днём на солнышке подтаяло. К двухэтажному ГДО подходят люди: женщины, дети, множество подростков. Почти нет пожилых людей: гарнизон молодой, самым старым жителям ещё далеко до пятидесяти, бабушки-дедушки есть в редких семьях, а обычно они живут где-то далеко, и летом в отпуск к ним везут их внуков... Зрители поднимаются по ступенькам крыльца, получают билеты, потом идут по коротенькой лестнице в зал, рассаживаются. Но есть одна странность в этом сеансе, пока ещё не бросающаяся в глаза. Почему-то нет солдат срочной службы, обычных на праздничных киносеансах. Да и семьи офицеров идут в кино не в полном составе: вот мамы, вот ребятишки, а пап не видно. Да, объясню: еще днём, ближе к вечеру, объявили тревогу всему личному составу. Учебные тревоги – вещь неприятная, но обязательная, и все к этому относятся с пониманием. Но, конечно, женщинам обидно: женский день без мужчины, главы семьи, за столом или в клубе – грустный праздник. Поскорее бы отбили тревогу и вернули всех домой!

Васька, двенадцатилетний житель гарнизона, тоже решил пойти в кино. Все его друзья уже убежали, наверно, уже бьются в зале за места поближе к

экрану, а Васька вот задержался: он, как настоящий мужчина, отпустил в кино маму и соседку тётю Таню, а сам остался сидеть с младшей сестрой. Сидеть явно не хотелось. Вся надежда была на соседскую бабушку, которая могла зайти в гости и посидеть с сестрёнкой. А могла и не зайти. Или не согласиться.

Сначала, правда, Васька сомневался, идти или нет: название фильма его немного смущало. «Уж очень всё как-то непонятно», -- думал Васька. Он не очень представлял, кто такие капуцины (кажется, монахи) и при чём тут бульвар. Но название могло скрывать и детектив, и фильм про разведчиков, которые Васька очень уважал.

Он сидел на подоконнике, с тоской смотрел на редующий поток идущих в кино. Особенно тоскливо стало, когда на ступеньках ГДО Вася заметил Ленку Цветкову, давно ему нравившуюся. Ленка в красных сапожках, серой шубке, в пушистой шапочке выглядела ослепительно. Она постояла на крыльце, покрутила головой, потом вместе со стайкой девочек впорхнула в Клуб. «Ну вот и поздравил. Ну вот и погуляли», -- мрачно сказал себе Васька.

Сестрица посапывала в кровати. И ведь не оставишь: проснётся, испугается. Что, Васька не понимает, что ли? Эх, папка бы с тревоги пришёл, может, отпустил бы Ваську в кино, а сам с дочкой посидел...

Время шло, фильм начался, соседская баба Валя не шла, папа не возвращался...

Стукнула дверь, в коридоре раздался Бабвалин голос: «Есть кто живой?». Васька соскочил с подоконника: «Ура!! Хоть чуточку посмотрю!». Не слушая вернувшуюся со смены в солдатской столовой соседку, он спешно собирался:

- Баб Валя! Стол накрыт! Ешьте, пейте! Мама в кино, папа на тревоге, я тоже в кино! Сестра спит, бутылочка со смесью в одеяле!

Что-то там Баба Валя о каком-то самолёте говорила, о каких-то террористах. Это она про кино, наверное. Васька выскочил из квартиры, скатился со второго этажа, вылетел из подъезда, проскакал по дорожке до Клуба, влетел в фойе. Конечно, какие уже билеты, но добрый завклубом махнул рукой, и Васька просочился в зал.

Никаких самолетов на экране не было. Скакали на лошадях ковбои и индейцы, шла зубодробительная драка в салуне, красивая героиня, похожая на Ленку, пела о том, что она любит ковбоя... Васька на секундочку представляет себя этим ковбоем. Как Ленка смотрит на него своими огромными глазами... Главный же герой был не ковбой, а чудака, который привёз ковбоям кино, он не дрался, не стрелял, но почему-то Ленка, то есть не Ленка, а героиня, его полюбила, и вот они объясняются в любви... Смешно немного, когда про монтаж, но что-то в этом есть...

Вдруг его мысли прервал зажёгшийся в зале свет. Экран погас. Все зрители с возмущением стали переглядываться, кто-то свистнул, кто-то крикнул: «Сапожник!». В динамиках зазвучал голос: «В связи с чрезвычайной ситуацией киносеанс прекращён, всем немедленно освободить зал и здание ГДО». У обеих дверей, на улице и в фойе, стояли сотрудники клуба, они явно были чем-то обеспокоены, тихо перешёптывались.

Зрители потянулись к дверям. Васька всё поглядывал на Ленку, чтоб убедиться, что она не ушла. В фойе была очень много народу, и Васька потерял в этом столпотворении серую шубку девочки. В толпе он заметил маму и тётю Таню, дядю Вову, который чинил ему велосипед прошлым летом, а Ленку как ветром сдуло. Возможно, на улице стоит, болтает с подружками...

Пока протискивался, опять услышал про какой-то самолёт и террористов. Прислушался. Выходило, что кто-то хотел угнать самолёт за рубеж, а наши его посадили у нас на аэродроме, террористы самолёт взорвали, но их, кто был живой, схватили, а пассажиров эвакуировали и теперь везут раненых в нашу санчасть, а остальных в Клуб, чтобы разместить пока. Поэтому и тревога сегодня. Это всё полдня тянулось, а они-то ни сном ни духом... Васька увидел, как знакомые мальчишки пытались как-то задержаться, пробраться на второй этаж, ведь интересно! Но их выпроводили на улицу. Тут и Вася до двери добрался.

Ленка! Стоит на крыльце, облокотившись о перила. Носком сапога постукивает по колонне: замёрзла, наверно, но не уходит, кого-то ждёт. Или просто из любопытства, как другие. Тут стали подходить машины, тягач, автобус, из тягача попрыгали военные с автоматами, не наши, не гарнизонные, из автобуса стали выводить людей. «Освободите дорогу! Расходитесь!» -- это был голос начальника штаба, папиного товарища, Вася хорошо его знал. Толпа у клуба заметно поредела, и мальчишка опять потерял девочку из виду. Медленно побрёл домой. А чего брести – вон он, дом, рядом... В кармане Васька нащупал купленный для Лены в Военторге кулончик-ключик (долго на завтраках экономил!) и вздохнул. Так и не смог он к ней в школе подойти, и всё. Ну боялся, что отвергнет или, того хуже, на смех поднимет. И сегодня не удалось. А, ладно! Пусть лучше всё будет, каким было. Мальчик всё больше расстраивался, как вдруг – знакомый голос:

-- О, Васька! Привет! -- это сказала Ленка! -- Слушай, можешь мне немного помочь?

-- Да... Конечно. В-в чем дело? -- голос мальчишки дрогнул, но вскоре окреп. – Что случилось?

-- Понимаешь, темно, девчонки все разбежались. Какая-то ещё чрезвычайная ситуация... Мне страшно одной домой идти. Сможешь меня до дома проводить?

-- Конечно! -- возликовал Васька.

Лена жила в самом конце Торфов, почти у станции, и поэтому идти надо было долго. Васька радовался! Хотя мёрз изрядно. Чем темнее было на улице, тем сильнее обдавало морозом. Вроде весна, а такое чувство, что зима никогда не кончится. Снег ещё даже не начинал таять. И каждый вечер – мороз! Звёзды светили вовсю и освещали дорогу ребят. Васька шёл молча и ругал себя на чём свет стоит: ну как начать разговор, как подарить кулончик? И что он за тетеря? Вот в фильме... О, эврика!

-- Как тебе фильм? – наконец выдавил он.

-- Здоровский. Смешной. Интересно, чем закончится?

-- Наши победят, -- пошутил Васька, и Лена засмеялась, а потом спросила:

-- А что ты слышал о самолёте? И вообще, что ты знаешь обо всём, что произошло сегодня?

-- Не особо. Отец сказал, уходя, что тревога учебная. Значит, ничего серьёзного. А вон оно как вышло... Ничего, придёт, обязательно расскажет. Я ему верю. Папка человек ответственный. Врать и болтать не станет.

-- Васьк, а ты любишь своего папу?

-- Конечно. Все любят своих отцов и матерей. Разве ты нет?

- Я не знаю, Вась. Мне иногда кажется, что ему всё равно. Уехал от нас три года назад, мама говорит, «на заработки», и как в воду канул. А тут написал, что ему дали на Севере жильё, что там школа есть для меня и работа

для мамы, торопит нас ехать. Мама думает... Скорее всего, я скоро уеду, Васька...

У Васьки сердце ухнуло куда-то в живот. И отчаянно и решительно, резко остановившись и крепко взяв Ленку за руку, он выдернул из кармана кулончик-ключик:

-- Это тебе. С Восьмым марта, -- неловко вложил он его в руку девочки.

-- Спасибо тебе, Вась, большое. Я такой давно хотела! Всё смотрела на него в Военторге. Я... я даже знаю, как тебя отблагодарить, -- Лена тоже достала что-то из кармана. -- Вот. Это платок. Я его сама вышивала. Тебе на 23 Февраля. А тебя тогда в школе не было.

-- Спасибо... Большое... – это как-то выдохнулось, а не сказалось.

-- Сохрани его, чтоб мы потом, когда выросли... посмеялись. На память обо мне.

Так они и дошли до края Нижнего городка, прошли лесничество, посёлок... Вот и дом Лены. «Пока, Васька, спасибо тебе, а вон мама в окно смотрит», -- и Ленка скрылась в недрах подъезда. Васька только успел крикнуть вслед своё «пока».

Васька шел по дороге, держа в руке платок. Он рассматривал его под каждым фонарём, и в его голове пела одна фраза: «Сохрани его, сохрани его, сохрани его...». Конечно, Васька сохранит. И ещё на самое видное место повесит. Чтоб все видели. Потом решил, что не дело напоказ выставлять. Платок настоящий был, как во время войны на фронт посылали: «дорогому бойцу», конечно, не написано, но вышиты были самолёт, парашют, подводная лодка, военный корабль. И в середине – звезда! И не белый, а подсиненный, а главное, Ленкин! Таким счастливым Васька не был ни разу в жизни.

Васька долетел домой галопом. Мама и папа о чём-то тихо разговаривали на кухне, сестричка сопела, праздничный стол был уже убран. «Вась, поужинать!», -- позвала мама, но он отговорился, что уже ел. Мама выглянула, посмотрела на сына, поверила, а Васька, даже не раздевшись толком, лёг спать. Даю вам слово, что снилось ему только хорошее... А под подушкой лежал платок.

Лена скоро уехала на Север. Васька грустил. В школе на политинформации рассказали о семье музыкантов Овечкиных, которые хотели угнать самолёт в Лондон, потому что им не нравилось жить в СССР. Васька никак не мог их понять. Конечно, хорошо бы посмотреть за границу, но не такой же ценой. А то теперь – погибшие, раненые, самолёт сгоревший за взлёткой лежит, террористам тюрьма, их детям детский дом... Васька родился в ГДР, точнее, в ГСВГ, группе советских войск в Германии, папа тогда там служил. Потом перевели сюда. Конечно, ничего Васька про Германию не помнит. Но можно стать военным и попасть туда или в другое место, или моряком, или артистом, или просто поехать по турпутёвке. А самолёт угонять зачем?! И чем плохо в СССР? Васька недоумевал. Он мало пока где бывал, только в Выборге, Ленинграде, у бабушки на Украине летом и один раз на море. Хотелось в Москву, да и по всему миру поездить. Васька смотрел на самолёт и кораблик на платке и верил: поедит.

Метро. Электричка. Работа Электричка Метро. Дом. Компьютер. Сон. Утро. Кофе. Метро. Электричка... Да, Василий Иванович явно не о такой жизни мечтал. Все в ней стало обыденным, доводящим до отвращения. Двенадцатилетний Васька хотел стать ковбоем или рейнджером, военным или моряком, но уж точно не менеджером какой-то фирмы. И настроение теперь по утрам было такое, что хотелось либо плакать, либо помереть.

Правда, было в жизни всякое: и Рязанское десантное, и СОБР, и Москва, где в Кремле вручали медаль, и «горячие точки», за которые, собственно, и вручали... Поездил по миру, в общем... Он боролся с международным терроризмом. Но теперь как-то всё грустно. Это, говорят, кризис среднего возраста...

В такие моменты могло спасти только одно – платок. Талисман! Путеводитель в жизни! Спасательный лоскуток!.. Именно он говорил Василию, что не всё ещё потеряно. Напоминал о его по-настоящему счастливом детстве. О его любимой Ленке. Об этой мартовской прогулке под куполом звёзд... Василий как сейчас видел Ленкину улыбку, серую шубку, красные сапожки... И где она сейчас? Как сложилась её судьба? Иногда он видел девушку во снах: «Сохрани его, чтоб мы потом, когда выросли... посмеялись». Ленка! А ведь я сохранил, я сохранил твой подарок. Так почему же ты не смеёшься со мной рядом?

Кстати, «Человека с бульвара Капуцинов» он так и не досмотрел. Сначала как-то не удавалось, а потом принципиально выключал телевизор. Понимал, что глупо, но ничего не мог с собою поделать.

Рассказ участвовал в конкурсе и размещён на сайте библиотеки Алвара Аалто, город Выборг.

<http://www.aalto.vbgcity.ru/content/kupriyanova-mariya-13-let-rasskaz-prervannyu-kinoseans>